

К 200-летию со дня рождения автора "Конька-горбунка"

Юбилей Петра Павловича Ершова (22 февраля (6 марта) 1815 – 18 (30) августа 1869) мы будем отмечать потому, что в 1834 году в майском номере журнала "Библиотека для чтения", только что основанного тогда знаменитым книготорговцем Александром Филипповичем Смирдиным по образцу французского "Bibliothèque Universelle", был опубликован отрывок из "поэмы" "Конёк-горбунок". Если бы не эта стихотворная сказка, фигура Ершова сегодня вряд ли могла заинтересовать кого-либо, кроме самых заядлых краеведов, даже несмотря на последующие публикации автора в столичных журналах (поэмы "Сибирский казак" и "Сузге", а также ряд стихотворений).

Как и Александра Сергеевича Грибоедова, Петра Павловича Ершова можно назвать классическим представителем достаточно редкого рода творцов: homo unius libri – человека (писателя) одной книги.

И если в случае с создателем "Горя от ума" подобную ситуацию можно при желании легко и непротиворечиво объяснить как разносторонностью интересов этого безусловно гениального человека (дипломат, полиглот, композитор и т.д.), а также его безвременной гибелью в Тегеране, то в случае с Ершовым ситуация принципиально иная.

После публикации "Конька-горбунка" Петр Павлович прожил ещё более тридцати лет, причём достаточно далеко от "двух столиц", Санкт-Петербурга и Москвы, где кипела литературная жизнь, трудился на ниве просвещения в Тобольске (у него учился Дмитрий Иванович Менделеев), достаточно активно писал и публиковался (включая даже участие в литературном "проекте" Козьмы Прутков), но ничего из написанного им для русской литературы и русской культуры, для русского мира в целом по своему значению даже не приблизилось к сказке, созданной им в ранней юности.

Что, разумеется, дало и повод, и основания сомневаться в истинности ершовского авторства. В качестве "альтернативного" создателя "Конька-горбунка" назывались и Пушкин, и погибший в 1844 году композитор и художник Николай Девитте, который проиллюстрировал одно из первых (1843 года) изданий сказки.

Тем не менее, на вопрос о том, стоит ли считать "Конька-горбунка" результатом ещё одной мистификации или псевдомустификации, которыми так богата история и мировой (взять

хотя бы бесконечные споры о Шекспире), и отечественной (всем памятна многолетняя круговерть вокруг авторства "Тихого Дона") литературы, ответ будет, скорее всего, отрицательным.

Отрицательным – исходя даже не из совокупности каких-то приводящихся внешних обстоятельств, но из текста самой сказки.

Хорошо известен тот факт, что многие композиторы прошлого, да и современности, чтобы избежать споров об авторстве и связанных с ним вопросов, "вплетают" в музыку своё имя, выраженное через определённую последователь-

ность нот. Этот приём, своего рода музыкальная подпись (монограмма) автора, равноценная подписи художника на холсте, зародился в европейской музыке ещё в XVIII веке (наиболее ярко – в творчестве И.-С.Баха) и широко используется до сих пор.

Тем же самым приёмом, следом за композиторами – не исключено, благодаря "проникающему" влиянию субкультуры масонства (кстати, в Тобольске были посланы многие видные декабристы, с которыми Ершов так активно и на протяжении долгих лет общался), – похоже, начали широко пользоваться и многие писатели, в том числе отечественные. Например, у А.С. Пушкина во многих его произведениях присутствуют строки с упоминанием пушки как поэтической монограммы автора. Порой они выглядят совершенно естественно и необходимо: "Гром пушек, топот, ржанье, стон, и

нось нот. Этот приём, своего рода музыкальная подпись (монограмма) автора, равноценная подписи художника на холсте, зародился в европейской музыке ещё в XVIII веке (наиболее ярко – в творчестве И.-С.Баха) и широко используется до сих пор.

Воспринимать этот эпизод иначе, нежели очевидную авторскую монограмму, да ещё такой величины, – значит, уподобляться бессмертным словам "любопытного" из басни И.А. Крылова: "Слона-то я и не приметил...". Пушкин, по свидетельствам Е.Ф. Розена и самого П.П. Ершова, ознакомившись с текстом "Конька-горбунка", якобы сказал: "Теперь мне можно и оставить этот род поэзии". В данной связи интересно, что "этот род поэзии", собственно и был первой "визитной карточкой" пушкинского творчества. Хотя собственно сказки активно писали "солнцем русской поэзии" уже в зрелости, на протяжении 1830-1834 годов (литературоведы также относят к их числу поэму "Жених" 1825 года), на первый план русской литературы Пуш-

кин вышел с публикацией "Руслана и Людмилы" (1820), написанной им также в самом юном возрасте. Рассматривать этот шедевр как типичную романтическую поэму, где история, тесно переплетённая со сказкой, играет лишь подчинённую роль, видимо, не совсем правильно. "Ключом" к поэме служит знаменитое вступление "У лукоморья дуб зелёный...", написанное Пушкиным уже в 1828 году. К моменту создания "Конька-горбунка" из шести "классических" пушкин-

ских сказок была опубликована (в 1832 году) только "Сказка о царе Салтане...", которая, видимо, и послужила "катализатором" для творчества Ершова. "Конька-горбунка" Пушкин, несомненно, и принял, и признал, не только подвергнув "внимательному пересмотру", но и лично поправил начало сказки, придав ей всем известный хрестоматийный вид:

*За горами, за лесами,
За широкими морями,
Против неба – на земле
Жил старик в одном селе...*

Как бы то ни было, любые споры об авторстве "Конька-горбунка" только подчёркивают бесспорную значимость этого произведения, прочно вошедшего в "золотой фонд" русской литературы, – ведь в противном случае не было бы даже повода для спора.

И здесь мы подходим, пожалуй, к самой большой загадке и к самому важному вопросу: чем обусловлена такая популярность данной авторской сказки у русского читателя? Особенно при том, что на иностранные языки она, можно сказать, не переводилась (советские издания на английском, немецком и испанском языках полнотекстовыми переводами назвать трудно) и за рубежом практически не издавалась?

Адекватный ответ на эти вопросы может быть только один: "Конёк-горбунок" каким-то образом полностью, а не частично, входит в ядро коммуникативной общности русского народа, а потому не может быть хоть как-то понят иноязычным/инкультурным читателем и не вызывает у него никакого интереса.

Хорошо известен датированный 1835 годом критический отзыв В.Г. Белинского о "Коньке-горбунке", смысл которого сводится к тому, что сказки созданы народом, а задача писателя – "писать их как можно скорее под диктовку народа, а не подновлять и не переделывать", поскольку такого рода пе-

ределкам, вследствие "барской" образованности автора, всегда "будет недостать этой неподдельной наивности ума, не просвещённого наукою, этого

лукавого простодушия, которыми отличаются народные русские сказки". Позже взгляд Белинского на данную проблему несколько меня-

ется: "Всё это – больше, нежели портрет или зеркало действительности, но более похоже на действительность, нежели действительность походит сама на себя, ибо всё это – художественная действительность, замыкающая в себе все частные явления" ("Горе от ума, сочинение А.С. Грибоедова", 1840).

И затем: "Есть у Пушкина русская баллада ("Жених"), написанная им в 1825 году, в которой появилась и первая глава "Онегина". В народных русских песнях не больше русской народности, сколько заключено её в этой балладе" ("Евгений Онегин", статья восьмая, 1844).

Как можно видеть, право и даже обязанность автора трансформировать "действительность", вернее – эстетический идеал действительности, в котором ранее Белинский отказывал всем писателям на примере сказки Ершова, впоследствии признавалось и провозглашалось им. Но уже без всякой "обратной" привязки к "Коньку-горбунку".

Между тем, именно в этом произведении ярче и глубже всего проявляются – да, в форме стихотворной сказки! – принципы реализма. И это вовсе не "сказочный реализм", а реализм, если можно так выразиться, коммуникативный. Поскольку вся "действительность" русских сказок собрана здесь Ершовым, словно солнечные лучи стеклянной линзой, в единый фокус. Здесь вы не найдёте никакой нечистой силы, с которой должен сражаться и которую должен побеждать главный герой: ни кощеёв бессмертных с бабами-ягами, ни змеев-горынычей, ни злых колдунов, ни бесов, ни иноземных богатырей или царей с огромным войском. "Конёк-горбунку", если не принимать во внимание его волшебных природных персонажей, – даже не сказка в привычном её понимании, а почти полный набор кодов социальной коммуникации. Большинство из них – вполне открыты и фольклорны. Но некоторые – напри-

мер, в описании путешествия Ивана-дурака на небо и его общения с матерью Царь-девицей, луной, которая вполне по-мужски именуется Месяцем Месяцовичем и выступает заодно как мать солнца, – аналогов в фольклоре, судя по всему не имеют, и являются своего рода "тайнописью", которую исследователям только предстоит расшифровать.

Зато "китовое царство", объёмлющее собой все моря-океаны, озёра и реки, оказывается, представляет собой едва ли не полный подводный аналог царств человеческому, в котором существует главный герой.

Мир "Конька-горбунка", если можно так выразиться, предельно антропоцентричен, поскольку центром мира всегда и везде выступает главный герой, что смещает привычные системы координат уже в самом начале сказки: *Браты сели пиущицу
Да возли в град-столицу:
Знаёт, столица та была
Недалече от села...*

Образ Ивана-дурака в сказке даётся прежде всего не через авторские описания (хотя они тоже присутствуют), а через постоянное общение героя с другими персонажами и с самим собой. В этом общении он, бывало и врёт (рассказ родным о потраве хлебного поля "дьяволом"), и запирается (разговор с царём по поводу пера жар-птицы), и ошибается (отказываясь от совета своего волшебного помощника, конька-горбунка), и меняет своё отношение (например, к Царь-девице), – то есть вовсе не представляет собой образ идеального "рыцаря без страха и упрека". Но в нужный момент, при явном вмешательстве сверхъестественных (впрочем, для сказки – вполне естественных) сил, – он преодолевает все испытания, выходит из них победителем, обретает любовь и "становится царём" – справедливым и сильным, воплощая в себе архетип Русского мира, "русского царства".

"Конёк" мой снова поскакал по всему русскому царству. Счастливым ему пути... Заслышав, тому уже 22 года, похвалу себе от таких людей, как Пушкин, Жуковский и Плетнёв, и проскакав в это время во всю долготу и широту русской земли, он... тешит люд честной, старых и малых, сидней и бывалых, и будет тешить их, пока русское слово будет находить отголосок в русской душе, то есть до окончания века..." – написал об этом сам Ершов в 1864 году, предвзятое новое издание своей бессмертной сказки. Бессмертной – вместе с её автором.

мер, в описании путешествия Ивана-дурака на небо и его общения с матерью Царь-девицей, луной, которая вполне по-мужски именуется Месяцем Месяцовичем и выступает заодно как мать солнца, – аналогов в фольклоре, судя по всему не имеют, и являются своего рода "тайнописью", которую исследователям только предстоит расшифровать.

Зато "китовое царство", объёмлющее собой все моря-океаны, озёра и реки, оказывается, представляет собой едва ли не полный подводный аналог царств человеческому, в котором существует главный герой.

Мир "Конька-горбунка", если можно так выразиться, предельно антропоцентричен, поскольку центром мира всегда и везде выступает главный герой, что смещает привычные системы координат уже в самом начале сказки: *Браты сели пиущицу
Да возли в град-столицу:
Знаёт, столица та была
Недалече от села...*

Образ Ивана-дурака в сказке даётся прежде всего не через авторские описания (хотя они тоже присутствуют), а через постоянное общение героя с другими персонажами и с самим собой. В этом общении он, бывало и врёт (рассказ родным о потраве хлебного поля "дьяволом"), и запирается (разговор с царём по поводу пера жар-птицы), и ошибается (отказываясь от совета своего волшебного помощника, конька-горбунка), и меняет своё отношение (например, к Царь-девице), – то есть вовсе не представляет собой образ идеального "рыцаря без страха и упрека". Но в нужный момент, при явном вмешательстве сверхъестественных (впрочем, для сказки – вполне естественных) сил, – он преодолевает все испытания, выходит из них победителем, обретает любовь и "становится царём" – справедливым и сильным, воплощая в себе архетип Русского мира, "русского царства".

"Конёк" мой снова поскакал по всему русскому царству. Счастливым ему пути... Заслышав, тому уже 22 года, похвалу себе от таких людей, как Пушкин, Жуковский и Плетнёв, и проскакав в это время во всю долготу и широту русской земли, он... тешит люд честной, старых и малых, сидней и бывалых, и будет тешить их, пока русское слово будет находить отголосок в русской душе, то есть до окончания века..." – написал об этом сам Ершов в 1864 году, предвзятое новое издание своей бессмертной сказки. Бессмертной – вместе с её автором.

Вышла в свет новая книга «Крым в русской поэзии и искусстве» (Антология. Составление, примечания В.И. Калугина. – М.: Издательский дом «Вече», 2014. 720 с.).

Крым – дом русской поэзии и русской живописи – впервые представлен в антологии от первой державинской оды 1783 года о мирном присоединении Крыма и первых картин художника Светлейшего князя Потёмкина-Таврического, участника всех его военных походов Михаила Иванова, от «Херсониды» Семёна Боброва, «Бахчисарайского фонтана» Александра Пушкина, «Тавриды» Андрея Муравьёва до картин и гравюр самых знаменитых «видопищцев» первой половины XIX века Емельяна Корнеева, Кюгельхена, Никанора Чернецова, крымских живописных шедевров Айвазовского, Левитана, Коровина, Богаевского и крымской поэзии XX и начала XXI века. В книге не в отрывках, а полностью публикуются крымские поэтические циклы Ивана Бороzdны, Владимира Бенедиктова,

Михаила Розенгейма, А.К. Толстого, Петра Вяземского, Арсения Голенищева-Кутузова, Владимира Палея, Максимилиана Волошина, Надежды Бронницкой, создавшей в 1918 году поэтический реквием «Терновый венец» о «красном терроре» в Ялте и Севастополе. Завершает антологию подборка «Совершённые поэты Крыма». Малая часть этих публикаций представлена ниже.

Вопрос я задал боязливый,
Он поклонился молчаливо,
И в этот миг затих
шум странных голосов...
"Мы судим..." – он сказал сурово.
"Мы судим..." – повторил он снова,
И подхватили все, суставами звеня:

Максимилиан БОЛОШИН
ТАВРИДА
Я помню ночь над спящею землею,
Когда впервой увидел море я.
Всё спало вокруг. Казалось, тишиною
И чудной негой ночь была полна.

Крым в русской поэзии

И тихий ветерок ветвями кипариса
Шумел сквозь сон, как будто, надо мной,
И ароматы роз ко мне неслися,
Вдали шумел немолкнувший прибой. ' Гигантов-гор немые очертанья
Виделись мне в том сумраке ночном.
Я был один и весь в свои мечтанья
И сладостные грёзы погружен.
И думал я: «Ты ль это, о Таврида,
Страна былых, низвергнутых богов,
Где некогда богиня Артемиды
Имела храм близ этих берегов?
Ты ль та страна, где жрица молодая
Томилась столько лет в печали и слезах,
С глубокой горечью и плачем вспоминая
О тех покинутых родимых берегах?».
28 февраля 1892

Владимир НАБОКОВ
ЯЛТИНСКИЙ МОЛ
В ту ночь приснилось мне,

что я на дне морском...
Мне был отраден мрак безмолвный;
Бродил я ошупью, и волны,
И солнце, и земля казались дальним сном.
Я глубиной желал упитаться
И в сумраке навек забыться.
Чтоб вечность обмануть.

Вдруг побелел песок,
И я заметил, негодую,
Что понемногу вверх иду я,
И понял я тогда, что берег недалёк.
Хотелось мне назад вернуться,
Закрыть глаза и захлебнуться;
На дно покато хотелось мне упасть
И медленно скользить обратно
В глухую мглу, но непонятно
Меня влекла вперед неведомая власть.
И вот вода светлее стала,
Поголубела, заморчала...

Остановился я: послышалась мне гул;
Он поднимался из-за края
Широкой ямы, замирая,
Я к ней приблизился и голову нагнул,
И вдруг сорвался... Миг ужасный!
Стоял я пред толпой неясной:
Я видел: двигались в мерцающих лучах
Полу-скелеты, полу-люди,
У них просветлялись груди,
И плоть похотьями висела на костях,
То мертвцы по виду были
И всё ж ходили, говорили,
И всё же тайная в них жизнь ещё была.
Они о чем-то совещались,
И то кричали, то шептались:
Гром падающих скал,
хруст битого стекла...

Я изумлён был несказанно.
Вдруг вышел из толпы туманной
И подошёл ко мне один из мертвецов.

Николай БЕСЕДИН

Пока ещё горит свеча,
Давайте говорить
О правде слова и меча,
О долге Руща хранить.
Горит свеча. Упрямый свет
Напоминает нам,
Что в Севастополе ответ
На иевский Майдан.
И что история жива
И в камне, и в сердцах.
В сталь обращаются слова
На русских кораблях.
Миротворящего луча
Всё тоньше, тоньше нить..
Пока ещё горит свеча,
Давайте говорить.
Май 2014

Николай ТАРАСЕНКО

Небо из аквамарины,
Киммерия, возраст мира,
край орлиный, Киммерия,
слышен клёкот, звук картавый.

Крым в русской поэзии и искусстве
Не зарей над Киммерией,
киноварью и кармином
подплывает кровью бранной
небо из аквамарины...
Киммерия, вопль гортанный,
юных пленниц страх и ужас,
лики зноём сожжены.
Под копытом свищут травы,
коннолучники, пригнувшись,
двуедины, как кентавры,
тучей движутся с войны.
.....
Сколько надо было казней,
зависти, наветов, козней,
веры в счастье безотказной,
ранней смерти, славы поздней,
чтоб возник под этим небом,
небом из аквамарины,
твоим небом, Киммерия,
с киноварью и кармином –
звук прекрасный, имя Грина,
мир из выдумки и правды,
мир блистающий, мир добрый,
колыбелька и некрополь,
тихий домик, Старый Крым...

Розовый закат в Ялте
О берег бились розовые волны,
Апел закат и надвигалась ночь...
Казалось, – всё в природе мира полно
И жизнь есть счастья радостная дочь...
А между тем, кровь заливает землю
И слышен стон по всей стране родной:
Междоусобица, главу подъявляя,
На братьев шлёт за строем новый строй!..
Безумные!.. Между собой вражда,
Вы Родину распяли на кресте!..
– Природа дышит, ласкою чаруя,
Зовёт весь мир к любви и красоте...

Когда ж – мой Бог!
злодейств и крови полный,
Мир силу зла сумеет превозмочь?..
– О берег бьются розовые волны,
Спускается чарующая ночь...

1919, из сборника поэзии "Терновый венец"

На Украине, в Полтаве, живёт поэтесса Ирина Самарина, ей 31 год, двое детей, она с помощью друзей издала книгу (400 с чем-то страниц) стихотворений под названием "Не Пушкин, не Ахматова, не Блок". Это её абсолютно честная, искренняя самооценка. Но главное: она – автор стихотворения "Простите нас, родные

россияне" – в ответ на стихи девицы Дмитрук "Никогда мы не будем братьями" (раскручено на весь мир западом!). Ирина Самарина послала свои стихи на российский конкурс "Поэт года". Она не вошла даже в первые 200 (!) кандидатов. И главное – она признаёт даже не может, её обратно не пустит Украина и объявит "сепаратисткой, террористкой", а у неё двое детей 9 и 4 лет.

Её стихи "Простите нас, родные россияне" – очень сильный поступок, эти стихи читал в телеэтике Никита Михалков, даже не зная ничего об их авторе. Поэтом года должен стать именно такой человек!
Пишет она невероятно искренне, без никаких формальных прикрас, которыми звякают все рифмозайчики, считающие себя "не хуже Бродского". Она пишет, как Пирсомани, – очень наивно, без репетиторской выучки, но это и замечательно! Если кто-то другой станет "поэтом года" – это будет предательством, никто другой не написал "Простите нас, родные россияне", живая в Украине, где её в любой момент могут арестовать и убить за эти стихи.

Юнна МОРИЦ
.....
Ирина САМАРИНА
ПРОСТИТЕ НАС, РОДНЫЕ РОССИЯНЕ!
Простите нас, родные россияне,
Пока ещё вращается Земля,
Мы братьями вам быть не перестали,
Вас предала не Родина моя,
Не люди, что на площадь выходили,
Пятаесь наиболее сказать,
А те, что нашу Родину купили,
Купили, чтобы выгодно продать.
Правители приходят и уходят,
Кого-то помнят долго и добром,
Но комом каждый президент выходит,
Как первый блин, в моем краю родном,
Нас сорили с экранов и смеялись,
Что разругались братья в пух и прах,
Но верим, мы в душе людьми остались,
И понесём друг друга на руках;
Когда из нас кого-то ранят в спину,
Не будем о гражданстве вспоминать,
Я верю, что не может Украина
На братские народы наплеватель.
Простите нас, что вас не пропускаем
На собственных границах как врагов,
Простите, что каналом доверьем,
Где нас считают всех за дураков,
Показывают войны, истерию,
И получают в долларах паёк,
Но нету Украины без России,
Как без ключа, не нужен и замок.
Мы все – одна семья, пусть разругались,
Но ссоры ведь случаются в семье;
И главное, чтоб мы людьми остались,
А не зверьми, готовыми к войне
За Землю, за туманные идеи,
Забыв о том, что детям нужен мир!
Я думать по-другому не умею,
А мы для власти нашей просто тир,
Хотят – нас нас же армию направят,
Хотят – на воздух нас введут налог;
Но разлюбить Россию не заставят,
Пока мы вместе – с нами Бог!